



## ГЛАВА 1

### Ри

**М**арс. Далекый, притягательный, загадочный. Я никогда не любила астрономию, но на эту таинственную планету готова была пялиться часами.

Днями. Неделями. Месяцами.

И всеми возможными во Вселенной секундами.

— Эй, Марс!

Он поворачивается, и я тут же утыкаюсь в книгу.

Слышу, как смеется. Подглядываю из-под опущенных ресниц.

Мир мгновенно меркнет, и я начинаю воображать, что он смеется так для меня.

Марс. Не знаю, почему фанатки его так прозвали.

Марс. Смакую его «имя», словно шоколад.

Марс. Едва не срывается с губ.

Марс. Марс. Марс...

— Смотрите, наша книжная гусеница снова читает. — насмешливый голос выдергивает и безжалостно опрокидывает в реальность. — В то же время и в том же месте! Какое поразительное совпадение!

Кайли Куинн. Альфа-самка, считающая себя лидершей местной Стаи. На мгновение прикрываю глаза и притворяюсь, что не слышу. Дышу. Сосредотачиваюсь на буквах. Но они расплываются, потому что звонкий смех и издевательства стервы не смолкают.



Каждый день. Я слышу это каждый день. Но никогда не отвечаю.

Порой так хочется поставить сучку на место. Но не могу. По многим причинам.

Поэтому, как и всегда, хватаю сумку и поднимаюсь с понтона.

Сбегаю. Опять.

От резкого движения книга падает из рук. Тянусь за ней, но медлю, ловя в своем фокусе Его. Парень моей мечты наклоняется, тонкие пальцы стискивают корешок. Я замираю, отчетливо слыша, как колотится чертово сердце. Остановись! *Ты меня выдешь!*

Не двигаюсь, потому что боюсь спутнуть прекрасное.

Марс. Он так невыносимо близко, что ощущаю его запах.

Марс. Боже, почему ты создал его таким идеальным?

Марс. Только бы не прошептать, только бы...

— Терри, верно? — спрашивает, и вскидывая голову, сталкиваюсь с его магнитом.

Ощущаю его на себе.

Глаза цвета жидкой лавы. Взгляд, в котором смешиваются все природные стихии.

— Я... — стоп, он что, знает мое имя? — Да...

— «Грозовой перевал», — читает с обложки, когда тяну руку к книге. — Нравится?

От его вопроса на мгновение теряюсь.

Он сейчас серьезно?

— Нравится. — признаюсь, а затем выдыхаю. — Читал?

Господи, я действительно это спросила? У Марса?

— Макстон, пойдем! Оставь эту чудачку!

— Да, друг, нам пора! Пиво ждать не будет!



Он усмехается и молча возвращает мне книгу.

Молча. Не отвечая на мой вопрос. А затем так же молча поднимается и уходит.

Чудачка. Да, это я.

Тереза Митчелл — единственная здесь, выбивающаяся из Стада.

Здесь — это в элитном коттеджном поселке Оз, расположенном в пригороде Нью-Йорка, в самой северной его части.

В маленьком, обособленном от всего остального мире.

В мире совершенно невероятном, как по мне. Возвышающиеся дома класса люкс. Живописные участки и парки. Огороженные каменной кладкой пруды. Фонтаны. Беседки.

И, конечно, главная гордость Оза — волшебнейшей красоты озеро.

Большое, чистое, спокойное.

Мое особое место силы.

Мой папа главный архитектор, поэтому мы здесь живем.

Но это не наш мир.

И мы — так уж сложилось — будем его частью только одно лето.

Только одно лето рядом с Макстоном Ридом. А затем все вновь станет так, как было ДО.

Наверное.

Дома кладу книгу на стол и на несколько секунд задерживаю взгляд на обложке.

Я читаю «Грозовой перевал» уже в четвертый раз. Но до сих пор глупо надеюсь, что Хитклифф обретет свое «долго и счастливо». Простушка без имени и происхождения, беззаветно влюбленная в парня не своего круга, — я напоминаю себе его.



— Наверное, стоило выбрать книгу с более счастливым концом, — шепчу и, падая на кровать, возвожу глаза к потолку.

Если даже у Бронте не получилось, что уж говорить обо мне?

Гном с носом, как картошка, и грязно-ржавыми волосами, которые я скрываю за каштановой краской. Ростом метр пятьдесят семь — да я даже до шкафчиков на кухне не достаю. А рядом с Макстоном и вовсе ощущаю себя ребенком. Против его метра восьмидесяти я просто смешна.

Наверное, он думает так же.

Разворачиваюсь и перевожу взгляд на дом напротив. Окна Макстона видны из моих. Его комната и моя, как две части целого. И пока он не видит, я могу изучать его маленькую вселенную, даже несмотря на то что уже засмотрела ее до дыр.

Он любит мотоциклы. Знаю это, потому что видела, как он гоняет. В его гараже стоит спортивный «Харлей» с мощным двигателем и светодиодным освещением — я гуглила. А на стене висит посвященная байку черно-белая картина.

Ему нравится минимализм. Ну или он просто не успел разобрать вещи.

И черный цвет. Это уже точно.

У Макстона есть как минимум три татуировки. Таинственная символика на плече, напоминающая рисунки древних народов майя. Птица между большим и указательным пальцем. А еще имя под сердцем — Мира.

Я часто размышляю о том, кто такая эта Мира и что их связывает с Макстоном. Хочется думать, что это его младшая сестра, но у Сайруса Рида только сын. Я знаю.



А еще знаю, что эта девушка очень ему дорога. Ведь никто не станет набивать татуировку с именем человека, который безразличен, да еще и у самого сердца.

Никто. Тем более Макстон.

Знаю. Но, как и в истории с «Грозовым перевалом», глупо надеюсь на иной исход.

— Ииихааа!!! — слышу, а затем чувствую, как меня окатывает ледяной водой. Визжу и подскакиваю с кровати. — Пусть свобода будет вечной!

— Итан, прекрати! Итан!

Мой младший брат ржет, продолжая поливать меня, пока я, мокрая почти насквозь, не отнимаю у него пистолет.

— Еще раз выкинешь что-то подобное, уши надеру! — шиплю.

— Думаешь, Марс глупый? Не замечает, как ты беспалевно на него таращишься?

— И вовсе я не таращусь!

— Да ты скоро дыру в нем просверлишь!

— Я предупредила, мелюзга!

— Эй! Просил ведь так меня не называть!

— А я — не нести чушь! — не кричу, хотя очень хочется. — И вообще, кто разрешил тебе вваливаться в мою комнату без стука?

— Над тобой уже все Стадо ржет, Терри. — Он плюхается на кровать и выдыхает. Передо мной вновь мой трусливый тринадцатилетний брат.

Сажусь рядом и мягко говорю:

— Ну и пусть. Что с того?

— Я не хочу быть странным.

— Ты не странный.

— Но не такой, как они, — выдает и поднимает на меня глаза.

— Да, не такой. Но это круто.



Итан усмехается.

— Что крутого в том, чтобы быть изгоем?

— В Стаде любой нормальный человек будет изгоем.

— А как же Марс?

У меня нет ответа, поэтому молчу.

— Прости. Я не хочу быть дерьмовым братом. — Кажется, и я притягиваю его к себе.

— Я все равно люблю тебя. Даже если мне приходится быть дерьмовой сестрой.

Он хмыкает, и я улыбаюсь.

Мне не хочется думать, что Макстон такой же. Что он жестокий, беспринципный, подлый. Не хочется думать, что он часть Стада. Кучки избалованных подростков, которые правят в Озе.

Каждый день, смотря в его окно, я вижу парня со стержнем и стремлениями. Сильного, честного, бойкого, пускай и темпераментного.

Марс много дерется. Это знают все.

И если он злится — это слышат все.

Казалось бы, горячий, как солнце, не имеющий ничего общего с холодной планетой, на которой нет жизни. Красивый, вспыльчивый, опасный. Не для такой, как я. Но что-то в нем непреодолимо меня влечет.

Мне нельзя влюбляться в него.

Но, наверное, я давно опоздала.

Оставшись одна, прикусываю губу и открываю его профиль в социальной сети.

Макстон — музыкант. Барабанщик. Лучший из тех, кого мне доводилось слышать. Не скажу, что этот список огромен... я просто знаю, что права. Чувствую.

Листаю ленту, наверное, в тысячный раз, заучив каждую фотографию, каждое видео наизусть. Я знаю каждую его морщинку, каждую родинку, помню его смех и голос, а еще — шутки. У него фантастическое чувство



юмора. И по-настоящему божественный талант. Играть ТАК, как играет Макстон Рид, может не каждый.

И так думаю не только я. Но и его многотысячная армия визжащих, чокнутых фанатов, бросающих на сцену свое нижнее белье и напевающих марш Мендельсона\*.

Я не такая чокнутая, но тоже фанатка.

Та, о которой он не знает.

Не знает, что каждую неделю по пятницам я прихожу на его концерты и незаметно стою в самом углу. Что по воскресеньям, понедельникам и средам сижу под окнами ночного клуба в Нью-Йорке, слушая, как он репетирует. Что из моих окон слышно, как каждый вечер он играет свои песни в гараже. И что, если не играет, я включаю их на телефоне, потому что уже не засыпаю без них. Привычка. Зависимость. Наверное, и то, и то подходит.

— На репетицию не опоздай! — слышу и осторожно выглядываю в окно.

— А когда я опаздывал?

— Мало ли, фанатка какая отвлечет, — острит Дейтон, и Макстон швыряет в него куртку.

Метьюз ловит ее, и слышу, как ржет.

— Будто я неправду сказал.

— Куртку верни.

— Заберу как трофей.

— Куртку, Дейт.

Перебрасывает кожанку обратно и, уходя, салютует жестянойкой.

Макстон усмехается, а после — поднимает взгляд.

Прямо на мое окно.

ЧЕРТ.

---

\* Свадебный марш.



Отшатываюсь и вжимаюсь в стенку, жмурясь изо всех сил и жалея, что не могу в нее провалиться. Сердце бьется как сумасшедшее. А душа с грохотом валится в пятки. Чувствую себя пятилетним ребенком, застуканным родителями за поеданием вишневого варенья, которое есть мне запретили.

Глупо, правда?

Но так происходит всегда, когда ОН рядом.

Я творю-говорю-придумываю глупости. И ничего не могу с этим сделать.

И пусть за эти пять недель мы говорили всего дважды, я успеваю прослыть безропотно влюбленной в него чудачкой. Так думает Стадо. А стерва Кайли Куинн не устает брызгать ядом, указывая на мое место.

Когда, наконец, беру себя в руки и поворачиваюсь, Марса во дворе уже нет.

Только тогда решаюсь нараспашку открыть окно, выпуская в комнату воздух.





## ГЛАВА 2

### *Ри*

Если забыть о злобной ведьме Запада и парочке ее приспешников, моя жизнь в Озе напоминает сказку. Вкуснейшие блинчики на завтрак по папиному рецепту — моя любимейшая часть дня. Особенно по таким дням, как сегодня.

— Снова пойдешь слушать, как играют «Волки»? — папа подкладывает мне еще несколько блинчиков, которыми я до отвала набиваю рот.

Он считает, что я — как бы это выразиться? — дружу со Стадом. Ну там, хожу на их тусовки и репетиции группы, гуляю допоздна — в общем, по полной провожу свое лето. Не зная, что все это время я либо сижу на пристани, либо помогаю в книжном клубе.

Не хочу заставлять его волноваться, раскрывая свою маленькую безобидную ложь, поэтому киваю.

— Может, мне сходить разок с тобой? — облакачивается о кухонный шкаф и складывает на груди руки, а я едва не давлюсь любимым завтраком.

— Э-эм... ты ведь не любишь рок, пап.

— Нет, но было бы неплохо проникнуться молодежной музыкой, как считаешь? Во сколько у них репетиция?

— В семь, — сдает меня Итан.

Интересно, сколько дают за убийство младшего брата?



— Отлично, думаю, к этому времени я смогу закончить свои дела.

— Ну-у... это ведь только репетиция, — хватаюсь за соломинку, — концерт намного масштабнее...

— И многолюднее, — перебивает. — Не люблю толпу, ты ведь знаешь.

Ага. Знаю.

— А можно я тоже пойду? — Итан улыбается, а мне так хочется отвесить ему смачный подзатыльник, что едва сдерживаюсь.

— Нет. Я уже говорил, подобные мероприятия — не для детей.

— Мне уже тринадцать!

— Итан.

— Вот вечно так, — бурчит, а я облегченно выдыхаю. Хоть с чем-то повезло.

— Ладно, мне пора, — вскакиваю со стула, на ходу дожевывая последний кусок.

— Идешь гулять?

— Мм-м, вроде того. Сегодня книжный клуб.

— Верно. Что обсуждаете?

— «Грозовой перевал», — отвечаю, но в который раз ловлю себя на мысли, что было бы неплохо начать читать учебники. Ту кучу умных книг по психиатрии, которую Нью-Йоркский университет рекомендует всем своим студентам прочитать к началу обучения и которую я, поступив, притащила с собой в Оз.

— Я рад, что ты нашла здесь друзей, Бэмби.

— Пап. — смущаюсь. — Ну договаривались же.

— Еще пять лет назад тебе нравилось, когда я так тебя называл, — смеется.

— А еще пять лет назад я играла в куклы и думала, что стану модельером.